

Ирина
ВЕЛЕМБОВСКАЯ

Не так уж давно мне казалось, что без сюжета — ни туда ни сюда. Всегда есть риск, что тебе скажут: это лишь этюд, эскиз, зарисовка, вроде бы не о чем и говорить. А нужна новелла, рассказ...

Сюжет — магнит: сначала он тянет к себе автора, потом, возможно, притянет и читателя. Но часто получается и так, что потом могут сказать:

— Да про такой случай, как-то, в газете писали?

Да, писали. И в газете, и в журнале, и в книгах. Выдумать что-то принципиально новое, поразительное, то, чего не было, но могло быть, трудно. В тысячах рассказов и новелл сходятся и расходятся, бросают и усыновляют детей; хорошие люди заняты полезными делами, плохие — всякой тщотой, мелочами жизни. Ситуация вроде бы схожа, но если герой новый, ново авторское слово о нем, найдены краски — все может и получиться. Даже если не будет «острого» сюжета.

Редко кто из начинающих не начинает со своей биографии. Даст своему герою другое имя, а за ним с оит свое собственное. На первых порах, по-моему, это самое правильное: если еще и не ярко, то достоверно. Автор может знать то, чего другие не знают, а это интересно. Писатели, как правило, — народ бывалый, у всех хватает пережитого. Другое дело, как сложится все потом...

Первые свои рассказы я написала о прокатчиках, лесорубах, золотоискателях, с ними рядом я жила и работала, среди них прошла молодость, лучшие годы. Все, что было в молодых годах, всегда отлично помнится. В голове копошились истории, случаи, встречи, которые казались прямо-таки готовыми сюжетами: садись и пиши.

И все-таки сюжеты я пыталась сочинять сама. Мне почему-то всегда казалось и кажется, что, взяв готовую ситуацию, я как бы совершаю некий плагиат. С готовой природы можно писать пейзаж, портрет, а сюжет для жанровой картины нужно ведь придумать. Характер не придумаешь, он от жизни, от наблюдений, а сюжет как и развитие характера является плодом авторской фантазии.

В годы войны я работала на одном из лесозаготовительных участков Северного Урала, была свидетелем нескольких несчастных случаев: людей, не соблюдавших должную осторожность, убивало валившееся дерево. А работали в лесу тогда в основном женщины, подростки, даже дети. Трагедия!.. Мне казалось поначалу, что такой драматический случай можно перенести в рассказ, сделать сюжетом. Читатель пожалеет погибшую при таких обстоятельствах девушку, присвокупит ее гибель к тем жертвам, которые понес народ в войне: ведь если бы не война, девушку эту не мобилизовали бы на лесозаготовку. Но, слава богу, я довольно быстро поняла, что этого для рассказа будет как-то мало.

Стала я думать. Тогда (пятнадцать лет назад), прямо скажу, думалось легко и писалось ненамного, это была сладостная работа. Знала я этих людей, что они делают, как говорят, что на себе носят, что едят и пьют. И как-то очень легко возник сюжет. Написала я «Лесную историю», первый опубликованный мой рассказ. В нем уже было несколько героев, молодых и старых, и девушка уже не была главным действующим лицом. У убитой девушки был ребенок, вокруг его судьбы и пошел разговор. Правда, хотя я и заботилась о характерах персонажей, но все-таки отдала некоторую дань остроумию. «Лесная история», пожалуй, в этом смысле стоит особняком от по-

следующих моих рассказов. Дальше я в общем-то писала о вещах более или менее обыденных.

Вот, к примеру, рассказ «Женщины». Когда о нем говорят как о повести, то это приятно, однако это все таки рассказ. Возник он опять из воспоминаний о том, как я была ученицей на мебельной фабрике, училась полировать мебель: кровати, гардеробы, ящики для радиол. Мастерница, которая меня этому делу обучала, была человеком не самым легким на свете. Я себя чувствовала при ней чуть получше, чем Ванька Жуков. И в чем-то эта женщина, имеющая очень неплохую производственную репутацию, была похожа на будущую Дуську из моего рассказа, а потом из кинофильма «Женщины».

Но это и все. Больше ничего похожего на рассказ и фильм со мной лично не произошло. Оказывается, был бы толчок, может родиться и замысел, а сюжет придумается. Я сочинила судьбу своей Альки, которая совсем не похожа на мою собственную, судьбу Женки. Как правило, все девушки влюбляются, ошибаются, снова влюбляются. Матери ревнуют сыновей спокон веков, ничего тут нового нет. Сюжет, конечно, может быть и другим. Например, можно было бы добавить суровости и чиновного чванства в характер Екатерины Тимофеевны, так тонко потом сыгранной в фильме Ниной Сазоновой, — был бы у «Женщин» совсем другой финал. Можно было сделать несколько легкомысленней Женку, тогда Альку постигло бы еще одно разочарование... Важно только постараться сделать так, чтобы персонажи не переставали быть похожими на живых людей и не пострадал бы замысел, в данном случае — рассказ о взаимоотношениях разных поколений женщин-работниц, наших современниц. А ведь взаимоотношения эти могут быть самые разные.

После «Женщин» меня потянуло на повесть, хотелось выйти на линию чужей жизни. Рассказ — какая то важная точка в судьбе человека, а повесть — это уже все о нем, об этом человеке. Тут, как мне кажется, уже все целиком зависит от выбора героя, в повести не сюжет движет всем, а интересный характер. У персонажа с таким характером не может не быть интересной биографии, а она и есть сюжет. Повестей с большим количеством героев я не пыталась писать, мне представляется, что это дело хитрое: увязать все концы с концами. Это не значит, что не следует попробовать.

До какой-то поры я писала о пережитом и лично увиденном. Казалось бы, с годами приходит какой-то опыт, навык в обращении с пером и бумагой. Но чем дальше, тем почему-то становилось труднее. Маленькую повесть «Ларион и Варвара» всего в три авторских листа я писала около трех лет. А ведь я этих людей, рабочих листопрокатного цеха одного из уральских заводов, знала и помнила очень хоро-

ЗАМЫСЕЛ
И
СЮЖЕТ —
ОТКУДА
ОНИ
?

шо. И всю историю я придумала сразу, что называется, с маху. Вроде бы и характеры были безынтересны, особенно — Варвары... Но вот не хватало чего-то существенного, звука какого-то. История получилась более или менее правдивая, но заземленная. Герои мои трудились, старались, а счастья у них не было. Жалко их? Жалко. Но не интересно. Я уж и не помню, в какой день или час в голове у меня что-то забрезжило. Я вообще против литературной красоты. Но тут я рискнула немножко опозитизировать тяжелый труд и быт военных лет, дать истории этой какой-то воздух, пейзаж, написать красивую внешность и Лариону, и Варваре. Попробовала я краски сменить, и Ларион и Варвара мои вроде бы какою-то песню запели...

Мне показалось, что вся история стала получше, поинтереснее, по крайней мере, мне от нее уже не стало тошно, наоборот — самой стало веселее. Оказывается, дело было в интонации: как ухватились более точные «позывные», так оно двинулось с места.

Но в жизни каждого пишущего, так мне представляется, наступает такой момент, когда хочется «сменить пластинку», отделиться, отстраниться от собственной судьбы, от пережитого лично и попытаться все целиком нафантазировать, написать, как вообще живут люди, а не те конкретные, которых ты знал в лицо. Ну и мне того же захотелось.

В повести «Сладкая женщина» вроде бы ничего не было связано с моей личной судьбой, ничего мною лично не испытано. И на кондитерской фабрике я не работала, и в местные комитеты не избиралась... Не встретила ни студента Марика, ни Николая Егоровича, ни Тихона...

В жизни я наблюдала множество подобных им людей, и какие-то черты их стали собирательными в моих героях. Но все это написалось потом, а началось вот с чего.

Несколько лет назад ко мне обратился один очень милый человек, сотрудник журнала «Наука и религия». Попросил написать маленький рассказик о женской душе, в которой или где-то затаился «бог», или, наоборот, никакого «бога» у этой женщины в душе нет и не было. И каковы же причины, как это на жизни отражается, куда ведет или заводит.

Маленький рассказик, ничего себе!.. Для этого, может быть, и повести не хватит. А в то же время, если помнить, что краткость — сестра таланта... Короче говоря, я решила попробовать написать рассказ, небольшой, тонкожурнальный. Мне так подумалось, что людей, искренне убежденных в существовании бога, у нас уже почти нет, разве что только среди старушек. Но остались религиозные предрассудки, привычки, обрядность, которые в общем-то ничем серьезным не угрожают. Но вот религиозное ханжество, как любое ханжество, противно. Об этом можно и написать.

Я уселась за машинку и начала настукивать, как относительно еще молодая женщина едет в деревню, чтобы организовать поминки по родной матери, которая умерла сорок дней назад. Она припасла себе траурный шарф, настроилась на скорбь, но в голове у нее роятся меркантильные соображения — что и почему продать. Так передо мной замельтешил образ будущей героини повести «Сладкая женщина». Аня Доброхотова при жизни матери не испытывала горячих дочерних чувств. Старейшая в одиночестве мать для нее была в какой-то мере обузой: «Некуда мне тебя взять, мама: комната одна, кухня маленькая, еле гарнитур вперла...» — скажет впоследствии Аня.

Но вот мать умерла, Аня рыдает над могилой, справляет поминки и на девятый день, и на сороковой, тратится на церковные отправления, на свечи, на то, на се... Чтобы вся деревня знала и видела, что «на, Аня, живет «с богом в душе». Вот в чем была заключена моя задумка.

Я посадила свою героиню в вагон электрички, постаралась набросать ее внешний портрет, в чем-то стандартный: прическа, как у многих, плащ-болонья, как у многих. Мне показалось даже, что я ее вижу. Надо было выбрать форму для этого жизненного «материала». Мне лично легче всего поддается диалог, речевое общение. Следовательно, я посадила своей сладкой женщине спутника случайного, который о ней ничего не знал и потом кое-что узнал. На какое-то время мне стало казаться, что я уже вижу их обоих. Особенно когда они заговорили. Естественно, если мужчине чем-то приглянется женщина, он спросит насчет мужа, спросит, где он. Это за меня подумал и сделал мой герой, а я к этому моменту ни о каком муже для своей Ани Доброхотовой еще и не думала. Она могла ответить: или муж у нее есть, или его нет. Героиня моя выкинула штуку: сказала, что мужа нет...

О повести я еще не думала, мне хотелось втиснуться в рассказ, но обстоятельства невольные перехлестывали за тот небольшой объем, который я себе поначалу задавала.

Короче, увидев более или менее отчетливо образ, позадку и нехитрую, хотя в чем-то уже зловещую суть женщины, едущей на поминки, я не захотела с ней расстаться, она меня стала будоражить и преследовать. Как только я поняла, что это будет не рассказ, а история подлиннее, работа у меня пошла споро, набегали подробности, поступки героини, исходящие из ее характера. В чем-то я шла по проторенной мною же самой дорожке. Вспомните Дуську из «Женщин». Когда я ее увидела на экране в исполнении Инны Макаровой, я пожалела даже, что не сделала эту Дуську главной героиней. И вот теперь в «Сладкой женщине» я решила «отыгаться». Изначальная судьба этих женщин почти одинакова: обе из деревни, трудная послевоенная юность, жажда

устройства, личного счастья, погоня за жизненными благами. Все им поддай любой ценой и как можно поскорее! Но чтобы не буквально повториться, я стала искать и разность в этих характерах, и более хитрые повороты в судьбе. И таким образом разговор о неудачной личной жизни молодой женщины перешел, как мне кажется, в рассказ о моральных просчетах, об издержках в совести и поведении. Дуську в чем-то жалко, а Аню Доброхотову, по-моему, жалеть не стоит.

Не скажу, что у меня было много вариантов сюжета. Были только дополнения к уже написанному. В чем-то повезло: как-то сразу был схвачен жизненный характер. А когда он неопределен, распыляется, неточен по жизни, сколько бумаги изведешь, а так ничего умного и не придумаешь. В выборе героя, несущего в своем характере определенную тему, по-моему, залог удачи или неудачи.

После «Сладкой женщины» я вскоре взялась за маленькую повесть «Вид с балкона». Героем ее поначалу был очень симпатичный пожилой мужчина, страдающий от невнимания к нему сына и невестки. Жены у него не было, и он со своего балкона поглядывал на некую симпатичную женщину, выходящую на соседний балкон. Она приехала из глубинки и вроде бы была призвана олицетворять собой природную чистоту, эдакую провинциальную неискренность, несуетность. На мое счастье, я поняла, что пишу то, что в обиходе работников театра и кино шутливо называется «рыба». Женщину с ее чистотой я изыала. Осталась возле моего героя мода, с пренебрежением к быту, с танцами, с магнитофоном, с нелепыми тратами. Пожилой герой продолжает грустить в небрежении и одиночестве, хотя вид с его балкона прекрасный — на Москву-реку, на Нескучный сад.

Поскольку я сама человек уже немолодой, то, естественно, тема старости меня тревожит. Невнимание раздражает. Я и стала об этом писать. Скажу прямо — не шло! Единственной радующей меня «деталью» был сибирский кот, который вместе с пожилым симпатичным героем взирал на Москву-реку и Нескучный сад. Но кто читал мою повесть «Вид с балкона», которую в 1975 году публиковал журнал «Октябрь», тот не увидел в ней и этого кота. Изменился герой, стал не нужен и кот. Больше: тому герою, к которому я подошла позже, кот был просто противоположен.

Пока меня преследовал стереотип — плохая, нечуткая мода, и хороший старик, — ничего я не могла от себя добиться. Решение я стала искать в биографии своего героя. Вспомнила собственную молодость, тех, с кем приходилось тогда сталкиваться. Военные и послевоенные годы очень много выявили в человеке, определили его цену: кого-то нравственно возвысили, кто-то растерялся, кто-то погробовал скрывать.

С внешней стороны поведение моего Ореста Ивановича вроде бы было безупречным, но он становился мне все менее и менее симпатичным, я стала жалеть не его, а тех, с кем ему пришлось соприкасаться. Возникли новые персонажи, и только тогда камень сдвинулся с места. Но было трудно. Может быть, потому, что я раньше описывала другую среду, писала о рабочих, о крестьянках, а тут жители столицы, интеллигенты. К тому же не женщина главный герой, как я привыкла, а мужчина...

Вот и все, пожалуй. Если бы даже можно было растолковать все писательские хитрости, то и тогда тайна творчества не перестала бы быть тайной.